

12.

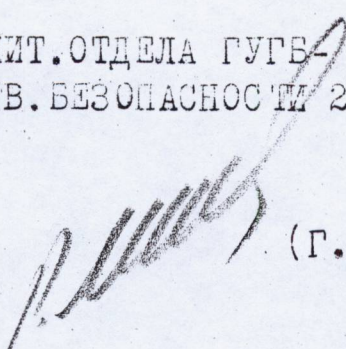
46 124
74
Совершенно секретно.

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) -

тов. Е Ж О В У .

Направляю Вам заявление АЛЬСКОГО,
Аркадия Осиповича, арестованного по делу
к.р. троцкистской организации ШЕМЕЛЕВА,
САФОНОВОЙ, ГОРОВИЧА, ДМИТРИЕВА и других.

НАЧ. СЕКР.-ПОЛИТ. ОТДЕЛА ГУГБ-
КОМИССАР ГОСУДАРСТВ. БЕЗОПАСНОСТИ 2 РАНГА

 (Г. МОЛЧАНОВ)

 "12" апреля 1936 г.

18.4

101176

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП/б/ -тов. Н.И. ЕЖОВУ.

Копия: Председателю Комиссии Советского Кон-
троля - тов. АНТИПОВУ.
Члену Комиссии Парт. Контроля -
тов. ЯРОСЛАВСКОМУ.
Народному Комиссару Внутр. дел - т. ЯГОДА.
Верховному Прокурору СССР - т. ВЫШИНСКО-
МУ. -

Уважаемый Николай Иванович!

Вашим посещением НКВД 1 апреля с.г., во время моего допроса, Вы проявили акт величайшего внимания к следствию по делу моему, которое ведется в настоящее время в НКВД. Но этого мало. Этим своим посещением Вы оказали неоценимую моральную поддержку мне лично. Этого факта проявленной Вами чуткости я не забуду до конца своих дней, - чтобы со мной не случилось.

Будучи в момент этого нашего свидания в очень тяжелом душевном состоянии, что Вы, по всей вероятности, и сами заметили, я не уверен удалось-ли мне убедить Вас в своей беспредельной преданности партии и руководству, не взирая на все совершенное мною ошибки и нарушения. Тем не менее, приняв для себя в качестве директивы, Ваш призыв к спокойствию и Ваши указания, что партия нисколько не заинтересована в осуждении людей, которые ей близки по всему своему складу и по всему своему прошлому и, что, стоя у власти партия обязана с особой бдительностью следить за чистотой своих рядов, так как, помимо

всего прочего, она еще отвечает за существование и нормальное развитие первого в мире государства пролетарской диктатуры, - я тогда же обещая Вам мобилизовать все оставшиеся у меня силы воли и всячески сдерживать себя, хотя в силу своей болезни я все время нахожусь в очень тяжелом физическом и душевном состоянии. Мне хочется теперь верить и я надеюсь, что под Вашим личным контролем, следствие по моему делу вступит на правильный путь и сможет разобраться в сущности действительно допущенных мною ошибок и нарушений. Я глубоко убежден, что под Вашим наблюдением следствие очень скоро убедится в том, что, несмотря на все мои проступки и нарушения, явившиеся результатом моих чрезвычайно тяжелых бытовых условий, в которых я задыхался в течение всех последних лет, я все же не сбился с партийного пути и все время оставался преданным борцом за генеральную линию политики партии на всех участках своей практической деятельности, на которых мне приходилось в последние годы работать.

Находясь более 2-х месяцев под арестом во внутренней тюрьме НКВД, я успел за это время самым тщательным образом проверить всю свою жизнь и обнаружить действительные ошибки, которые были мною допущены в моей партийной деятельности со времени моего окончательного и бесповоротного разрыва с контр-революционной троцкистской оппозиции. В чем нашли свое выражение эти мои действительные ошибки я скажу ниже, теперь же, в результате этого глубокого внутреннего самоанализа, я еще раз

заявляю Вам, - как я об этом уже неоднократно заявлял следствию, - что никаких преступлений - против партии и правительства с момента моего окончательного разрыва с к.-р. троцкистской оппозицией мною совершены не были.

Отдавая себе полный отчет в том, что в условиях ныне переживаемого момента следственные органы не могут и не должны принимать на веру и ограничиваться декларативными заявлениями, которые делаются ему людьми, которые, подобно мне, были в прошлом запятнаны антипартийной к.-р. деятельностью и что они, напротив, обязаны как можно тщательней проверить степень правдивости таких заявлений, я много раз просил следствие внимательнейшим образом проанализировать всю мою жизнь, и всю мою служебную и литературную деятельность за последние годы и, тогда, - говорил я ему, - оно легко и скоро убедиться в том, что я за все эти годы не только не сбивался с партийного пути на путь борьбы с ней, а напротив, что я честнейшим образом, не за страх, а за совесть, служил партии и боролся за осуществление ее директив и постановлений на всех участках своей практической деятельности. Не считая себя виновным в какой-либо антипартийной деятельности, я все время просил, и, если угодно, даже настаивал перед следствием, чтобы им была произведена в отношении меня именно такая проверка, ибо другого об'ективного мерила для оценки деятельности политически зрелого человека, по моему,

нет и быть не может. Но подходя ко мне с первых же своих шагов с какой-то заранее принятой схемой: раз ты, был, в прошлом троцкистом, то значит остаешься обязательно двурушником и к.-р. до последней минуты, хотя не все люди, как известно, одинаковы и хотя одни лишь глухие и слепые не могут видеть и слышать о тех грандиозных завоеваниях, которые сделаны пролетарской революцией за последние годы под руководством Ленинского ЦК ВКП/б/, во главе с т.СТАЛИНЫМ, - следственные органы не могут, или б.м. не хотят воспользоваться этим предлагаемым мною единственно правильным мерилom для проверки моей деятельности и проявившийся в ней системы моих взглядов. Вместо этого, вступив на путь бесконечных словесных внушений и пререканий, которые обычно сопровождаются грубыми "врете", "лжете", "враг народа" и т.п., как будто вся правда известна и давно находится в жилетном кармане у одного лишь следователя, и применяя временами совершенно недостойные для ответственного работника советского следственного органа методы угроз ("мы вас угробим", "мы арестуем вашу больную жену, которая отречется от вас" и т.д. и т.п.), запугивания ("если вы дадите требуемые показания, мы отправим вас в концлагерь, где вы сможете работать, в противном случае мы сгноим вас в изоляторе", "мы найдем средства, чтобы заставить вас говорить то, что требуется" и т.п.) и моментами просто даже издевательства над твоим человеческим достоинством (мне просто неприятно и противно вспоми-

57
148 53

нать те сценки, какие несколько раз разыгрывались надо мной, когда у меня случались тяжелейшие припадки моей душевной болезни, или полупараличи), - следствие все время предлагает мне надумать и дать ему показания о системе моих антипартийных взглядов, которых у меня нет, назвать ему свои к.-р. связи, которых у меня не было уже со времени моего окончательного разрыва с к.-р. троцкистской оппозицией и, наконец, дать ему показания о подпольном, к.-р. троцкистском центре, о котором я не имею ни малейшего понятия, ибо в противном случае, я, не дожидаясь ареста, сам давно бы сообщил об этом соответствующим партийным и советским органам. Я не знаю является -ли это результатом предвзятого ко мне подхода, или результатом того, что перед следственными органами проходило много совершенно изолгавшихся к.-р. деятелей, в том числе и троцкистов, но следствие не понимает, или не хочет понять совершенно простой, казалось бы истины, которая заключается в следующем. Не будучи случайным человеком в партии и в революционном движении и имея кое-какое политическое имя, я, естественно, не стал бы не только скрывать системы своих антипартийных взглядов, если-б у меня такие были и сколь бы радикально они не расходились с общепартийными, а, напротив, постарался бы всячески их декларировать, ценой каких-угодно лишений и страданий, раз я считал бы эту свою систему взглядов правильной. Я несомненно по-

ступил бы только таким образом, ибо я очень хорошо помню установки, существовавшие на сей счет в нашей большевистской партии, в рядах которой я воспитался и вырос. Кроме того я не забыл и критических нападок В.И.ЛЕНИНА на Л.Б.КАМЕНЕВА, в связи с его недостойным поведением на судебном процессе, когда разбиралось дело нашей большевистской думской фракции. Скрывать свои взгляды при всех условиях обозначало-бы ничто иное как отказ развернуть свое знамя, под которым ты стоишь и борешься, а это уже является позорным политическим актом. Отсюда должно быть ясно, что раз я заявляю другое, а именно, что никакой системы антипартийных взглядов у меня не было и нет с тех пор, как я окончательно порвал с к.-р. троцкистской оппозицией, и, что, напротив, с тех пор я считал и считаю генеральную линию политики партии абсолютно правильной и единственно возможной в данных исторических условиях и в доказательство правдивости этим моих заявлений прошу тщательно проверить всю мою деятельность за последние годы, то следствие, казалось бы, не должно было мне в этом отказывать, тем более, что партия и правительство, как Вы, Николай Иванович, мне сказали, совсем не заинтересовано в осуждении близких и до конца преданных ей людей. Но следствие, как я уже отмечал выше, с самого начала неправильно подошло ко мне и моему делу. В итоге оно очутилось теперь в тупике.

Никто не может знать лучше меня самого какой жизненный путь я прошел в последние годы и никто не смо-

53
180
55

жет никогда навязать мне систему таких взглядов, которых у меня нет. С другой стороны, никому никогда не удастся доказать, что я вел какую-бы то ни было антипартийную деятельность, ибо я этим в последние годы не занимался. Всякие попытки в этом направлении должны будут неминуемо окончиться или полным провалом, или грубой ошибкой, которая будет рано или поздно разоблачена. Будучи в этом вполне уверен, я совершенно спокойно ждал бы окончания следствия по делу моему, которое ведется в настоящее время в НКВД, если-б у меня не было сомнений на счет того, что следствие пожелает об'ективно разобраться в моем деле. Но этой как раз уверенности у меня нет, во первых потому, что я считаю методы, применяемые ко мне следствием - неправильными, и, во-вторых, потому, что следствие все время рассматривает мою самозащиту не как помощь, а как акт моей будто-бы борьбы с ним, как мое будто-бы желание сбить его с правильного пути и как мое будто-бы нежелание разоружиться перед ним. При таком подходе у меня естественно возникает вопрос, как же мне быть, если у меня все же нет никакой системы антипартийных взглядов и, если я не вел никакой подпольной, к.-р. троцкистской борьбы против партии? Неужели надумывать систему антипартийных взглядов, если их все же нет? Или б.м. надо сфантазировать что-нибудь на счет борьбы с партией, когда ты в действительности ее не вел и вести не мог, хотя бы уже по одному тому, что у тебя нет никаких расхождений с генеральной линией политики партии? Я думаю, что такие показания не имели-бы никакой

цены и они никому не нужны. С другой стороны, если стать на путь "надумываний", то возникнет вопрос о фактах, о людях и действиях, которых ты назвать не сможешь. Что тогда, оговаривать что-ли людей? Но ведь одна уже постановка такого вопроса является чудовищной, ибо помимо непосредственных жертв оговора, такой путь обозначал-бы ничто иное, как введение, с одной стороны, следственных органов и партии в заблуждение относительно размеров действительных антипартийных влияний в партийной среде, а с другой, - лило бы воду на мельницу тех к.-р. элементов, которые действительно ведут подрывную работу внутри, или около партии.

Я считал бы преступлением скрывать от Вас, Николай Иванович, что с тех пор, как я очутился во внутренней тюрьме НКВД, у меня создается временами впечатление, что к.-р. троцкисты и двурушники, часто пользуются методами оговора и профессиональными слабостями и, если угодно, отсутствием бдительности на сей счет у следственных органов для своих к.-р. целей и б.м. для того, чтобы сбивать указанные органы с правильного пути поисков действительных к.-р., скрывающихся в к.-р. подполье, или двурушничавших в партии. Мне кажется, что отсутствие бдительности на сей счет у следственных органов может привести к неисчислимым бедам. Мне кажется, что бдительность должна быть в нынешних условиях, когда авторитет и влияние партии поднялись на недостижимую высоту, направлена и в эту сторону, иначе у партии может

создаться неправильное представление о размерах чуждых влияний на отдельные прослойки партии, а при помощи оговоров будут задеваться преданные и, как в моем деле, родные партии элементы за счет тех, которые должны быть бесспорно разоблачены и изолированы, чтобы они не могли дальше вредить партии.

В своем письме от 20 февраля с.г. адресованном в Политбюро ЦК ВКП/б/ и лично Вам, Николай Иванович, я уже сообщал каким образом я постепенно пересматривал свою систему к.-р. троцкистских взглядов и как я отходил от к.-р. троцкистской оппозиции. Кроме того, в том же письме я чистосердечно об'яснял в силу каких причин у меня завалялись найденные у меня во время обыска вещи и старые троцкистские архивные материалы, которые были из'яты и служат теперь вещественными доказательствами по моему делу. По этой причине я не стану теперь вторично возвращаться к этим вопросам и в настоящем письме отмечу лишь те, мои ошибки, которые я совершил, после моего окончательного разрыва с к.-р. троцкистской оппозицией и которые я осознал только теперь, очутившись во внутренней тюрьме НКВД.

Начиная с весны 1933 г. и до марта месяца с.г. я все время, днем и ночью, раздумывал и искал причину того недоверия партии ко мне, которое я вно обнаружилось сначала в неутверждении в ЦК известного Вам проекта постановления о назначении меня на ответственную работу в БССР, а затем, - в исключении меня из рядов

ВКП/б/ во время чистки московской партийной организации. Не теряя надежды восстановить потерянное доверие партии и получить право с поднятой головой вернуться в ряды ее верных бойцов, я ушел сначала на низовую хозяйственную работу - на завод "Пресс", а потом уехал по собственной инициативе, несмотря на крайне тяжелое состояние здоровья, в Карабугаз, где я надеялся преданной работой в тяжелейших условиях, что называется горбом завоевать доверие партии к себе. Тем не менее, несмотря на все достижения, которые бесспорно имелись в моей работе на всех участках моей деятельности, я в течение всех истекших лет, все время чувствовал, что недоверие партии ко мне почему-то, однако, не рассеивается. Это обстоятельство обостряло мое тяжелое душевное заболевание, но я все же не сдавался, ведя все время борьбу с самим собой за свою жизнь, полагал, что она еще нужна партии и революции. Но в ночь с 4 на 5-ое февраля я был совершенно неожиданно арестован в больнице, где я находился на лечении. И как это не странно только теперь, сидя в тюрьме НКВД, я однажды по случайному поводу понял в чем заключалась моя ошибка, которая питала это недоверие ко мне партии. Проанализировав по мелочам всю жизнь свою со времени моего возвращения из ссылки и убедившись, что за все последние годы я не сделал ничего такого, что прямо или косвенно могло быть направлено против партии, я теперь глубоко убежден, что причиной для обнаружившегося недоверия партии ко мне могла явиться лишь

57-59
1/84

✓ неподача мною, после приезда в Москву, заявления в ЦК ВКП/б/, в котором я должен был полностью разоблачить свою прошлую к.-р. троцкистскую деятельность. Правда, ошибка эта была мною совершена без всякого злого умысла, ибо, порвав с к.-р. троцкистской оппозицией, и, осознав всю тяжесть преступлений, совершенных мною против партии и революции, когда я состоял в ее рядах, ничто не мешало мне откровенно сообщить партии все, что я лично сделал против нее и все, что мне было известно о деятельности этой оппозиции, тем не менее допущенная мною ошибка остается ошибкой. В свое оправдание я могу только сказать, что я не сделал этого не потому, что я хотел сохранить против партии какие-нибудь камни за пазухой, а потому, что вернувшись из ссылки я сначала тяжело заболел (я был парализован, вследствие возникновения у меня опухоли спинного мозга) и провалялся около 2-х лет в различных больницах, институтах и санаториях, в силу чего просто не был в состоянии этого сделать, а потом потому, что, будучи сильно оторван от партии, мне казалось, что в основном и решающем партия уже покончила с к.-р. троцкистской оппозицией и что мое личное участие в ее борьбе с партией никого больше не интересует, ибо оно стало уже достоянием истории. Ничего не зная о деятельности к.-р. троцкистского подполья и судя о всех бывших троцкистах по своим собственным настроениям, я недооценивал все время насколько еще велики опасности, грозящие партии, как со стороны этого под-

полья, так и со стороны различных двурушников, сохранившихся в партии и ведущих против нее подрывную работу. В какой мере я недооценивал эту опасность, я узнал лишь в самое последнее время со слов следователя, который ведет в НКВД следствие по моему делу и который рассказал мне ряд прямо-таки вопиющих фактов из практической деятельности этих к.-р. элементов. Я понимаю теперь сколь велика была эта моя ошибка и насколько я был оторван от партии, уйдя весь целиком, что называется с головой, в свою административно-хозяйственную и литературную работу. Меня теперь охватывает просто ужас, при одной лишь мысли, что вся моя жизнь могла-бы сложиться в последние годы иначе, если-б я тотчас после болезни, т.е. тогда, когда я начал понемногу работать, написал указанное выше заявление в ЦКК ВКП/б/. Для этого заявления мне пришлось бы воспользоваться некоторыми архивными троцкистскими материалами и в поиске их я наверно наткнулся бы и на те, которые завалялись с 1927 г. у меня и были у меня изъятые во время обыска в ночь с 4 на 5-ое февраля с.г. Полностью разоружившись таким заявлением и сдав в ЦКК ВКП/б/ все эти, завалявшиеся у меня материалы, я наверно рассеял бы законное недоверие, которое партия питала ко мне, и я получил бы возможность всеми корнями снова сродиться с нею. Будучи по всему своему складу человеком активным я несомненно скоро оказался бы в первых ее боевых рядах не только на участках своей административно-хозяйственной деятельности, но и в ее

59-61
188

борьбе со всеми антипартийными элементами, которые ведут к.-р. подрывную работу внутри и около нее. И хотя в этой моей ошибке повинен не я один, но и все те товарищи, к которым я обращался, после моего исключения из партии, с просьбами поддержать меня и указать мне причину недоверия ко мне партии, а те отказали мне в этом, не проявив в отношении меня никакой чуткости, - тем не менее, я теперь осудил себя за эту мою жизненную ошибку гораздо строже, чем может осудить меня советское правосудие за нарушения, которые были мною допущены и о которых я уже писал Вам в письме своем от 20 февраля с.г., адресованном в Политбюро ЦК ВКП/б/. Благодаря этой моей ошибке мне не удалось получить работу, которая меня бы удовлетворяла, и не удалось войти в надлежащую партийную среду. Будучи потом исключен из партии, я замкнулся в самом себе. На этой почве стала у меня чрезвычайно сильно обостряться душевная болезнь и я стал в полном смысле слова задыхаться в своих тяжелых бытовых условиях и трагическом одиночестве. Отсюда и моя беспечность и беспринципность в отношении хранения тех вещей и материалов, которые были обнаружены и изъяты у меня во время обыска. Очувтившись в таком тяжелом физическом и душевном состоянии в настоящее время, когда кругом ведется под руководством партии победоносное наступление на всех фронтах социалистического строительства, за тюремной решеткой и, потеряв в силу этого цель всей

своей жизни, - надежду вернуться в ряды партии, - я пришел к выводу, что и жизнь моя теперь тоже никому больше не нужна...

Но, несмотря ни на что, следственные органы почему то упорно не желают считать-ся с моей жизненной правдой и все время думают, понидимому, что я что-то от них скрываю, хотя этого нет в действительности. Подойдя ко мне и моему делу с какой-то предвзятой заранее мыслью, они все время настойчиво требуют, как я уже сообщал об этом выше, чтобы я надумал и дал показания о вещах, которых я не знаю и к которым я не имел никакого отношения. И так как я ничего не в состоянии сказать об этих вещах, то в итоге следствие по делу моему уперлось в тупик и вынуждено теперь, в поисках выхода, прибегать к таким методам, которые я считаю совершенно недостойными для органов советского правосудия. О применении ко мне угроз, запугиваний и т.п. я уже писал выше. Но этим следствие, однако, не ограничивается. Желая во что-бы то ни стало доказать недоказуемое, т.е. мою, будто-бы неискренность, оно стало прибегать к еще худшим вещам. Оно стало на путь прямотаки выуживания отдельных ошибочных моих мыслей и фраз из моих старых писем периода ссылки, т.е. 1928-29 г.г. как будто я лишен дара самокритики и остался глухим и слепым и не способен оценить как следует, всех грандиозных событий, происшедших после этого в нашей стране. Пытаясь притянуть к ним на ниточке отдельные, случайные мои высказывания по каким нибудь частным поводам за последующее время, следствие

надеется, повидимому, накопить т.о. какой-то материал, который дал бы возможность изобличить меня как неразоружившегося троцкиста, сохранившего свою к.-р. взгляды и ведшего подрывную работу против партии. Какими методами этого хотят достигнуть видно из следующего.

В следственных материалах по моему делу фигурирует известное Вам заявление С.РАФАЛЬКЕС, сделанное в НКВД, в котором я обвиняюсь в пораженчестве. Во время моего с ней разговора, которого я не отрицал, с первого-же момента следствия, я высказал ей мысль, что в некоторых звеньях нашего административно-хозяйственного аппарата наблюдаются явления чрезмерного централизма и настроения, что мы де "шапками всех закидаем". Я сказал ей далее, что в нормальных условиях это явление для нас неопасно, но в случае войны, когда весь наш аппарат должен будет работать с точностью часового механизма, это может создать для нас некоторые опасности, но - делал я дальше вывод, - если мы проиграем в силу этого хоть одно сражение вся партия и вся страна вострепелются, все выпрямится и мы будем непобедимы. Высказывая эту мысль, я исходил из бюрократических извращений, которые я наблюдал в последнее время в нашем административно-хозяйственном аппарате, но С.РАФАЛЬКЕС почему-то поняла мою мысль иначе, а именно, как пораженческую. По поводу этих разногласий, - следствием была устроена мне очная ставка с С.РАФАЛЬКЕС. Во время этой очной ставки С. РАФАЛЬКЕС, настаивая на правильности ее понимания высказанной мною мысли, тем не менее вынуждена была признать,

62 64
189

что весь мой разговор с ней велся, чтобы ее подразнить. Она, кроме того, сказала, что об этом она сообщала НКВД в своем заявлении от 29/ХП-1935 г. Это признание имеет, по моему, весьма существенное значение для оценки и суждения о наших с ней отношений и характера нашего с ней разговора. Однако, следствие не пожелало отметить этого признания. С. РАФАЛЬКЕС в протоколе нашей с ней очной ставки.

Вот и другой, еще более разительный пример. Во время подготовки в 1929 г. т. К. РАДЕКОМ, мной и другими внутреннего взрыва к.-р. троцкистской оппозиции и подачи в ЦККВКП/б/ заявления об отказе от фракционной борьбы, я как-то писал т. К. РАДЕКУ в одном из своих писем, что при подаче в ЦКК указанного заявления мы не должны отказываться от своих прежних взглядов, не должны делать никаких "плевок" в сторону своего прошлого, ибо наша борьба с партией полностью - де себя оправдала, так как прежняя линия партии была - де гнилой. Получив вскоре после этого проект заявления, составленного т. К. РАДЕКОМ, Е. ПРЕОБРАЖЕНСКИМ и И. СМЛГОЙ, одобренный ЦКК, в котором имелась, между прочим, формула: "Мы упустили из виду, что линия партии была и остается Ленинской"... я глубоко задумался над разницей между выдвинутым мной положением и этой формулой. После тщательного анализа и глубоких размышлений, - я пришел к выводу, что мое предложение является не только отрывкой, но и данью к.-р. троцкизму, ибо оно, во-первых, оправдывало фрак-

ционную борьбу, которую к.-р. троцкистская оппозиция вела с партией, во вторых, отстаивало совместимость к.-р. троцкистских взглядов, осужденных XV съездом партии, с принадлежностью к партии, да и вообще отдавало приоритет фракции над партией, т.е. защищает то, что я уже сам осуждал в то время. Прийдя к такому выводу я решительно отказался от этого своего предложения и вскоре присоединился к заявлению, поданному в ЦКК, т.К.РАДЕЮМ, ПРЕОБРАЖЕНСКИМ и СМИЛГОЙ.

Когда следствие наткнулось на это мое предложение в письме к т.К.РАДЕЮ и заинтересовалось моими тогдашними настроениями, я откровенно рассказал ему о ходе в тот период моих мыслей. Я сообщил ему, что кроме сомнений по 3-ем лишь вопросам, а именно: рабочему вопросу, вопросу о работе с крестьянской беднотой и вопросам Коминтерна и то быстро рассеявшихся, в связи с развернувшимися индустриализацией и коллективизацией внутри нашей страны и решительным разгромом правых во всех секциях Коминтерна, что сразу поставило все эти вопросы по-новому, - у меня уже не было к моменту подачи указанного заявления в ЦКК абсолютно никаких разногласий с партией и поэтому я с чистой совестью обратился в ЦКК с просьбой о восстановлении меня в правах члена ВКП/б/. Выслушав мой рассказ и зная о моем тяжелом физическом и душевном состоянии, крайне обострившемся в связи с моей попыткой покончить самоубийством в тюрьме, следователь нарочно задержал меня в тот день на допросе 16 часов без перерыва и доведя меня

до крайнего душевного смятения, начал под утро составлять протокол допроса по этому поводу. Будучи вполне уверен, что следствие желает об'ективно разобраться в моих прошлых настроениях, имеющих сейчас историческое значение и, надеясь, что все мною рассказанное найдет свое отражение в вопросах следователя и моих ответах, я признал, что предложение мое, выдвинутое в 1929 г. в письме к т.К.РАДЕНУ, в свете теперешнего нашего понимания, являлось двурушничеством, ибо в телеграмме, которую я тогда отправил в ЦКК, я просил о восстановлении меня в правах члена партии, но не оговорил своих сомнений по 3-ем приведенным выше вопросам, хотя сомнения эти вскоре у меня и рассеялись. Следователь, однако, записал в протокол моего допроса одну лишь голую формулу о двурушничестве и не стал дальше уточнять моих показаний. Воспользовавшись моим тяжелым физическим и душевным состоянием он вскоре отправил меня обратно в тюремную камеру. Ни в тот и ни на другой день он не стал меня больше допрашивать по этому вопросу, оборвав на этом протокол моего допроса. Поняв с какой целью это было сделано, я вскоре написал заявление на имя следователя, в котором я уточнил данные мною накануне показания, прося его приобщить это мое заявление к протоколу моего допроса. Получив, однако, мое заявление следователь сообщил, мне, что от его усмотрения только зависит приобщать-ли это мое заявление к протоколу, или нет...

Уважаемый Николай Иванович, я рассказал Вам обо

65 67
13/11

всем этом не в порядке жалобы на методы следствия, а потому, что я убедился 1 апреля с.г., когда Вы посетили НКВД во время моего допроса, что даже Вас, секретаря ЦК партии, тенденциозно информировали по этому вопросу. В самом деле, не рассказав Вам ни о моих объяснениях, данных сначала устно по этому вопросу, ни о том, что было записано в протоколе моего допроса по этому поводу, ни о моем заявлении, посланном следователю и имеющемуся в деле, Вам просто, без всяких пояснений, - дали прочесть только одну, подчеркнутую в письме моем, адресованном т.К.РАДЕКУ в июле месяце 1929 г., криминальную фразу и только...

У меня возникает вопрос, с какой целью это было сделано? Не для того-ли, чтобы создать и у Вас предвзятое мнение обо мне? Кроме того, если так позволили себе информировать Вас, как секретаря ЦК партии, то спрашивается, как же тогда информируются по моему делу другие контролирующие организации?

Вступив на путь вылавливания отдельных ошибочных моих мыслей из старой моей переписки, относящейся ко времени моей принадлежности к к.-р. троцкистской оппозиции, т.е. к периоду 1927-УП-1929г., и отдельных, неправильно высказанных, или превратно понятых, или неверно истолкованных моих мыслей по отдельным, частным вопросам, которые ни в какой мере не характеризуют моих теперешних общеполитических взглядов, которые ни в чем не расходятся с общепартийными, - следствие должно быть надеется т.о. составить за меня систему ка-

ких-то моих взглядов. Но так как для этого неблагоприятного труда ему не хватает материала, оно стало копаться в моей семейной переписке с женой, в которой временами попадаются отдельные сообщения о московских политических новостях, или сплетнях. Отсюда, собственно, и возникли угрозы следствия на счет ареста моей больной жены, хотя она никогда не занималась политикой и, хотя в свое время она всем своим существом была настроена против к.-р. троцкистской оппозиции. Я был прежде очень далек и мало интересовался практикой нашего советского политического контроля, поэтому не знаю, но мне кажется, что если наши органы политического контроля встанут на путь вторжения в семейные отношения, то можно очень легко, во-первых, свести их к одним лишь материальным и половым отношениям, выхолостив из них все остальное, а это едва-ли соответствует, по моему, общей линии политики нашей партии, принятой на сей счет и выражающейся в последнее время в особой заботе о семье и, во-вторых, неминуемо вовлекло бы в конце концов ответственный аппарат диктатуры пролетариата в грязнейшие альковные дела, что едва-ли тоже нужно партии и правительству.

Я, правда, ни минуты не сомневаюсь, что все угрозы, которые следствие делало по адресу моей жены, являлись своеобразным методом воздействия на меня, тем не менее я считаю необходимым довести о них до Вашего, Николай Иванович, сведения и просить Вас в случае чего взять под свою защиту мою больную и истерзанную семью,

которая еще меньше, чем я в чем-либо повинна.

Мне очень хорошо известно, Николай Иванович, что некоторые работники НКВД не очень склонны к самокритике, считая методы своей работы не только безошибочными, но и безгрешными, тем не менее, я решил написать Вам откровенно обо всем, что я думаю относительно методов ведения следствия по делу, заведенному против меня в НКВД. Я далек от мысли уклоняться от ответственности за ошибки и нарушения, которые действительно были мною допущены, но я не хочу стать ни для кого героем и мучеником чуждых мне идей, намерений и не совершенных действий. Я со всей твердостью заявляю Вам, что после ныне свершившегося со мной, что после того, как я мог, не будучи ни в чем повинен перед партией, очутиться в наступившем 1936 г., т.е. году реализации величайших достижений пролетарской революции, за тюремной решеткой НКВД, - моя жизнь мне больше не нужна. Я отдал всю свою сознательную жизнь служению интересам революции и вся моя жизнь всегда принадлежала только ей одной, без всякого остатка. В 1927-1929 г. я совершил тяжкое преступление перед нашей партией. Я понес за это не только наказание, но уплатил еще тяжелым физическим недугом. Несмотря на это и все трудности, встретившиеся на моем пути, я хотел ценой каких угодно усилий до конца искупить свою вину перед партией, чтобы вернуться в ее ряды, но судя по моему аресту, мне не удалось этого достигнуть. Уж один этот факт является для меня высшей мерой наказания. Будучи воспитан в духе, что интересы революции являются

68. 20
185

для каждого сознательного революционера высшим законом, я вторично прошу Вас, если для спокойной работы партии и правительства надо меня уничтожить, или вообще принести меня в жертву, - дать указания НКВД сделать это скорее. Но, если я, тем не менее, добиваюсь все время правильного направления следствия по делу моему, заведенному в НКВД, то я это делаю исключительно потому, что я не хочу, чтобы советскими следственными органами и советским правосудием была допущена какая-бы то ни была ошибка, которая была бы связана с моим именем и бросила бы тень на советскую власть и на нашу партию.

Я повторяю, я не троцкист и не двурушник и в течение последних лет мною не было сделано ничего такого, что прямо, или косвенно могло бы повредить партии. Напротив, я не за страх, а за совесть боролся в течение всех последних лет за проведение в жизнь всех ее директив и постановлений, желая вернуть к себе ее доверие. В этом вся моя жизненная правда, чтобы со мной не случилось.

Николай Иванович! После последней нашей встречи 1 апреля с.г. Вы, при прощании, обещали еще раз повидаться со мной. Если это обещание было Вами выражено, руководствуясь не простой, ни к чему не обязывающей любезностью, то я просил бы следующее наше свидание обставить таким образом, чтобы я мог в нормальных условиях и нормальной обстановке поделиться с Вами всеми своими мыслями, которые б.м. окажутся полезными для партии и нашего великого социалистического строительства.

С искренним большевистским приветом. А. АЛЬСКИЙ.

Москва, 15/IV-1936г. Камера № 18, Внутр. тюрьма НКВД.

Верно: Мол. Уполн. Сироткин. *Альс*